

И.Г. ДЕЖИНА¹

¹ Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара.
125993, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1.

«АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ»: РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ В США ПОСЛЕ 2022 г.

Аннотация. В статье анализируются занятость, адаптация и перспективы развития карьеры ученых, уехавших из России в США после 2022 г. Исследование основано на 32 полуструктурированных интервью, которые проводились в 2024 г. В 2022 г. началась волна «утечки умов», которая отличается от предыдущих постсоветских волн научной эмиграции. В ней доминирует незапланированный, поспешный отъезд, часто без приглашения на работу из-за рубежа. Уезжавшие ученые не являются в традиционно понимаемом смысле беженцами, поэтому не могут получить поддержку специальных программ. Это сделало поиск работы за рубежом особенно сложным.

Интервью показали, что переселившиеся в США ученые в основном работали в лучших вузах страны, у них успешно развивалась карьера, сформировались устойчивые международные контакты. Абсолютное большинство именно через личные связи нашли позицию в США, хотя в основном временную. Также благодаря опыту международной кооперации профессиональная адаптация была относительно несложной. Однако успешность адаптации не является решающим фактором для стабилизации положения. Возможности остаться в стране, получив постоянную академическую позицию, зависят от состояния рынка. Он в США особенно неблагоприятен для приехавших ученых среднего и старшего возрастов, а среди информантов их было большинство. В дальнейшем для многих наиболее реалистичен переход с одной временной позиции на другую либо уход из академической сферы. Возможен также переезд в другие страны, в первую очередь в СНГ, где в местных университетах ценится опыт работы в США. По вопросу возвращения в Россию, а также сотрудничества с оставшимися в стране исследователями не сложилось единого и даже наиболее разделяемого мнения.

Ключевые слова: «утечка умов»; научная эмиграция; вынужденная и добровольная эмиграция; мотивы; беженцы; адаптация за рубежом; прогноз; Россия.

Для цитирования: Дежина И.Г. «Академические переселенцы»: российские ученые в США после 2022 г. // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 87–110. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.5 EDN: IGVGCR

Введение

Тема эмиграции научных кадров («утечки умов») относится к более широкой проблематике циркуляции кадров, или академической мобильности. По мере расширения разнообразия форм мобильности появились и термины, их описывающие. Возникли такие понятия, как «бегство умов», «перемещение умов», «вынужденная эмиграция», «академическая эмиграция», характеризующие процесс покидания родной страны и переселения в другие страны. Эмиграция также стала подразделяться на добровольную (экономическую) и вынужденную (по политическим мотивам).

Применительно к России «утечка умов», понимаемая, скорее, как экономическая эмиграция, была основным направлением исследований, которое наиболее активно стало развиваться после распада СССР. Именно тогда наблюдалась самая большая волна эмиграции, вызванная в первую очередь экономическими причинами, кризисным состоянием российской науки. В связи с этим традиционными для изучения стали три аспекта: 1) количественные и качественные характеристики уехавших из страны ученых и их новые позиции за рубежом; 2) состояние российской научной диаспоры; 3) механизмы привлечения уехавших ученых в Россию. Благодаря третьему направлению работ вопросы отъезда ученых за рубеж стали рассматриваться в контексте мобильности высококвалифицированных кадров.

Согласно мировой практике уезжающие ученые, как правило, не порывают связи со своей страной. Не было этого и в случае отъезда российских ученых. Поэтому, когда с начала 2010-х гг. в России появляются правительственные программы по привлечению в страну уехавших ученых и развитию связей с научной диаспорой, специалисты российского происхождения стали в них участвовать и иногда возвращаться. Однако говорить о циркуляции кадров было еще рано, и только к 2021 г. в России был достигнут примерный баланс между числом уехавших из страны и прибывших в нее исследователей, хотя потоки были качественно неравнозначными [31]. Отток происходил в основном в страны с развитой наукой, приток — из стран догоняющего развития.

В постсоветский период было несколько волн научной эмиграции, которые различались мотивами, выбираемыми странами для переселения, степенью подготовленности к отъезду, способами вхождения в новую среду, контингентом уезжавших, а также интенсивностью взаимодействия с оставшимися в России бывшими коллегами. Несмотря на особенность каждой волны, между ними были некоторые базовые сходства. Отъезд продумывался и планировался заранее, место назначения было сразу известно — там, как правило, имелись договоренности о работе или стажировке. Уезжали чаще молодые, чем ученые в возрасте (за исключением первой постсоветской волны).

С 2022 г. началась новая — почти несопоставимая с прежними — волна научной эмиграции, которая практически не связана с экономическими причинами. Скорее, наоборот, переселение в другие страны для многих означало ухудшение их материального положения и даже потерю профессии. В то же время в большинстве своем это были не традиционно понимаемые «ученые-беженцы», поскольку они не подвергались преследованиям и для их жизни не было угрозы, что вынуждало бы срочно покинуть страну.

В данной статье рассматривается эта последняя — очень специфическая — волна эмиграции из России на примере ученых, переехавших в США — страну, где их оказалось относительно много. В центре внимания вопросы трудоустройства и адаптации, перспективы дальнейшего пребывания в академической среде и возвращения в Россию. Исследование базируется на полуструктурированных интервью с российскими учеными, преимущественно получившими какие-либо позиции в американской академической сфере.

Теоретическая основа и эмпирические исследования научной эмиграции

Теоретической базой исследования проблем эмиграции и последующей адаптации за рубежом уехавших ученых служит теория социального капитала [37]. Социальный капитал обычно подразумевает связи между индивидами — социальные сети и нормы взаимности и доверия. Согласно теории социального капитала доверие способствует преодолению объективных и когнитивных различий [38]. В работах П. Бурдьё и Дж. Колемана социальный капитал рассматривается как социальные отношения, позволяющие индивидам иметь доступ к ресурсам, которыми обладают другие индивиды [15]. Под этим понимаются ресурсы социальных отношений, сети, которые облегчают действия индивидов благодаря формированию взаимного доверия, установлению социальных норм и взаимоотношений [18]. Социальный капитал позволяет достигать результатов, которые без него были бы невозможными, поскольку сетевые взаимодействия приводят к снижению транзакционных издержек. На уровне отдельных индивидов особенно важную роль играют личные связи [2].

Применительно к мобильности исследователей именно теория социального капитала помогает объяснить, как происходит их перемещение, каким образом они находят академические позиции, осваиваются на новом месте и строят дальнейшую карьеру. При этом значение имеют не только социальный капитал эмигранта, но и влияющие на него факторы (например, солидарность участников групп научной диаспоры) [34].

Причины эмиграции можно разделить на макроуровневые и микроуровневые [26]. Микроуровень включает события в жизни самих ученых, которые повлияли на их решение уехать, в том числе положение на прежней работе, смена специализации, создание семьи и рождение детей. К макроуровню относятся политические и экономические проблемы в стране, которые эмигранты считают для себя значимыми.

Соответственно, можно выделить несколько способов «утечки умов». Типология может быть привязана к тому, возвращаются ли уехавшие в материнскую страну. Таким образом, миграция может быть возвратной, когда после длительного пребывания в другой стране ученый возвращается на родину. Иногда возвратная миграция ошибочно принимается за новую волну «утечки умов». Например, библиометрические исследования фиксируют большую «утечку умов» из США в Китай, но это в основном не эмиграция, а возвращение китайцев домой после обучения или работы в США [23]. Характерно, что Россия за период с 1998 г.

не входила в число стран с большими масштабами ни «утечки умов», ни возвратной миграции [23]. В свою очередь, невозвратная миграция предполагает либо разрыв связей с материнской страной, либо непродолжительные визиты.

Еще одна типология «утечки умов» связана с мотивами отъезда. Она может быть добровольной и вынужденной [30; 36]. Наиболее распространена добровольная (экономическая) эмиграция, когда ученые переселяются в другие страны в поиске лучших условий для научной работы. При вынужденной эмиграции ученые уезжают по политическим мотивам, связанным с их преследованием или прямой опасностью нахождения в своей стране [14; 17]. В литературе таких эмигрантов могут называть «учеными в зоне риска», «перемещенными умами», «академическими беженцами». Есть также термин «принудительная интернационализация», при определении которого подчеркивается адаптация эмигрантов в новой стране [20]. При анализе этой категории уехавших внимание уделяется оценке политики страны назначения в процессе принятия решения об эмиграции [29], а также сложившимся до отъезда контактам и сетям сотрудничества [36]. «Академические беженцы» заранее не могут спланировать свой отъезд, и эмиграция происходит путем последовательного переезда из одной страны в другую. Нередко ученые-беженцы могут найти только позиции ниже своего уровня квалификации [27], поскольку их часто воспринимают как конкурентов с несправедливыми преимуществами (из-за статуса беженца) [20]. В то же время этот статус способствует маргинализации ученых [32] и снижению их научной продуктивности [20]. «Академические беженцы», которым удалось продолжить свою карьеру в изгнании, составляют явное меньшинство [33].

Именно тем, кто получил статус беженца и находится в непосредственной опасности, предоставляется первоочередная помощь. Масштабы ее невелики, она краткосрочная и не решает проблемы выживания и адаптации в новой стране [13]. Например, в 2025 г. по программе ЕС «Поддержка исследователей из группы риска посредством предоставления стипендий в Европе» было выделено всего 56 двухлетних грантов для перемещенных ученых (*displaced scholars*)¹. В США программы помощи сравнительно масштабнее, но там проблемой стало получение визы. В последние годы росло число отказов исследователям в выдаче виз, которое достигло пика в 2024 г. [22]. В целом программ поддержки ученых-беженцев не так много (табл. 1).

Различие между добровольными и вынужденными эмигрантами не всегда очевидно. Например, в первой стране, где оказался вынужденно уехавший ученый, он будет считаться беженцем, однако затем при переезде в следующую страну он фактически становится экономическим переселенцем [36], оставаясь, по сути, политическим эмигрантом.

¹ SAFE project to award 56 fellowships to researchers at risk. European Commission, 13 May 2025. — URL: <https://marie-sklodowska-curie-actions.ec.europa.eu/news/safe-project-to-award-56-fellowships-to-researchers-at-risk> (дата обращения 07.09.2025).

Таблица 1

Примеры зарубежных инициатив по поддержке вынужденно эмигрировавших ученых

Страна/регион	Инициатива	Основные меры поддержки	Целевая поддерживаемая группа
ЕС	Стипендии для работы в странах ЕС исследователям из группы риска (SAFE Fellowships — Supporting At-risk researchers with Fellowships in Europe)	До 60 двухлетних грантов в год	Аспиранты и постдоки из стран, не входящих в ЕС
Франция	Программа «Пауза» (Pause Program)	Оказание экстренной помощи находящимся в опасности ученым на основе софинансирования правительством университетов, готовых принять у себя таких ученых	Покинувшие свои страны ученые из группы риска, преследуемые ученые
Франция	Программа «Выберите Францию для науки» (Choose France for Science)	Субсидирование релокации, ускорение процедур получения визы	Покинувшие свои страны ученые, работающие в области медицинских наук и искусственного интеллекта
Нидерланды	Фонд в 100 млн норвежских крон	Научные гранты, быстрый наем	Международно признанные ученые
США/Канада	Программа «Ученые в зоне риска» (Scholars at Risk Program)	Академическое размещение и поддержка	Покинувшие свои страны преследуемые ученые
Великобритания	50 млн фунтов стерлингов в рамках «Исследовательской схемы» (Research Scheme)	Долгосрочное финансирование в ключевых областях	Исследователи, уезжающие от нестабильности (нацелена преимущественно на американских ученых)

Источник: Составлено автором по данным сайтов соответствующих программ.

Далее рассматриваются особенности научной эмиграции из постсоветской России с точки зрения мотивов и характера «утечки умов» в разные периоды времени.

Периодизация «утечки умов» постсоветского периода

В исследованиях эмиграционных волн российских ученых можно выделить несколько этапов. В 1990-е гг., когда российская наука лишилась существенных ресурсов, тема научной эмиграции, или «утечки умов», была весьма злободневной. Проводились количественные исследования, направленные на определение с использованием данных официальной статистики масштабов и характеристик (демографические и профессионально-квалификационные) уехавших за рубеж ученых. Их дополняли выборочные опросы и интервью. Это направление исследований было сильно политизировано, поскольку тема «утечка умов» рассматривалась в ракурсе состояния и безопасности государства, а также положения России среди других стран. В связи с этим выражение «утечка умов» нередко стало употребляться в сочетании с такими понятиями, как «национальная безопасность», «утечка технологий», а также «кража идей» [6].

В 2010-х гг. положение в российской науке стало стабилизироваться, развивалось международное сотрудничество, улучшились финансовые возможности для развития академической мобильности, в силу чего акценты в исследованиях сместились с причин отъезда российских ученых и анализа их положения за рубежом на условия и возможности взаимодействия с уже сформировавшейся научной диаспорой. Смену фокуса стимулировало и то, что в это время в России началась реализация программ, нацеленных на привлечение в страну уехавших ученых и развитие кооперации с представителями научной диаспоры.

С середины 2010-х гг. ввиду изменения геополитических условий международное сотрудничество стало постепенно сокращаться, а актуальность проблематики «утечки умов» — возрастать. Повышение интереса к теме научной эмиграции произошло в 2022 г., когда из страны стали уезжать как российские, так и работающие здесь иностранные ученые.

В рассматриваемые периоды мотивы отъезда за рубеж менялись. На первом этапе основными «выталкивающими» факторами были объективные условия в самой науке: низкая заработная плата и неконкурентоспособная материальная база науки, что создавало сложности для занятия не только прикладными, но и фундаментальными исследованиями, а также снижение престижа научного труда и неясные перспективы карьерного роста [12]. Ухудшение материального положения в науке повлекло за собой отставание от зарубежных партнеров в получении новых научных результатов, и это стало весомым стимулом к отъезду. В данном случае влияли именно материальные факторы, поскольку другие изменения в науке были позитивными. В 1990-е гг. происходило активное открытие российской науки миру, в том числе за счет существенной помощи от зарубежных и международных организаций и фондов. В те годы отъезд планировался заранее, и, согласно опросам [6; 9], эмигрировавшие ученые возвращаться назад не собирались.

Исследования 2000-х гг. показали, что отношение к возможности возвращения, хотя бы на время, стало более позитивным. Правда, молодые ученые в основном не планировали возвращаться, равно как и те, кто эмигрировал еще во времена СССР [7]. Вместе с тем многие стали рассматривать временные приезды и кооперацию как потенциально возможные. Это было связано с улучшением состояния российской науки.

В 2010-х гг. в выборочных опросах и интервью отмечалось, что эмиграция сократилась. Количественно это проверить было нельзя, так как официальные данные, показывающие масштабы научной эмиграции, перестали собираться. Те, кто уезжал, заблаговременно искали работу, в основном по своим связям и зарубежным контактам, которые к этому времени уже сложились [10]. Основными мотивами отъезда назывались отсутствие достаточных финансовых средств на оборудование и командировки, плохие жилищные условия [10]. При этом сформировались три основных способа отъезда: запланированная эмиграция на постоянное место жительства, отъезд на основе временных трудовых контрактов, которые затем трансформировались в постоянные, а также отъезд через участие в различных образовательных программах и стажировках, в том числе для обучения на PhD и работы на постдокторских позициях. Многие переехавшие сначала не планировали оставаться в стране пребывания [9]. Большинство из тех, кто закрепился на новом месте, продолжали приезжать в Россию и выражали готовность сотрудничать с оставшимися в России коллегами [8].

С 2015 г. появился новый мотив к отъезду: сокращение возможностей международной кооперации. Ученые говорили о том, что ощущают растущую изоляцию от мировой науки [19]. Действительно, в 2015 г. был принят Закон о «нежелательных организациях»², что повлекло за собой сворачивание работы в России представительств зарубежных организаций и фондов, которые поддерживали науку в форме международных проектов.

К этому времени сложились также представления о том, куда в основном уезжали и продолжают уезжать российские ученые. К числу стран — основных бенефициаров российской «утечки умов» в первую очередь относились США, Германия и Франция [3; 9; 21].

Последняя волна, начавшаяся в 2022 г., подробно изучается, часто — самими уехавшими в эту волну учеными. Исследователи сходятся во мнении, что данная волна «утечки умов» особенная. На первый план вышли опасения закрытия границ, мобилизации, изоляции российской науки и проч. [1; 11]. В качестве «выталкивающих» факторов отмечались также международные санкции и ограничения академической свободы [16], разрыв международных научных связей, особенно с США и со странами ЕС — главными партнерами российских ученых [11], ограничения доступа к международным информационным базам данных [4], а также сокращение допустимых для изучения научных тематик вследствие создания барьеров и самоцензуры.

Главная характеристика процесса отъезда — его спонтанность [1; 24], отъезд туда, куда можно было уехать экстренно, практически «эвакуироваться» [11]. «Перевалочными пунктами» стали такие страны, как Армения, Грузия, Турция, Израиль.

Согласно опубликованным исследованиям, информанты называли свое решение уехать «внезапным», «импульсивным», а сам отъезд — «паническим». Поскольку поиск места работы происходил, как правило, уже после отъезда, отмечалась готовность к снижению социального и профессионального статуса, но

² Федеральный закон от 23.05.2015 № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179979/ (дата обращения 07.09.2025).

несущественно и ненадолго [1]. Исследования продемонстрировали важность социального капитала и связей: поиск работы на свободном рынке, как правило, не давал результатов, и многие переключились с поиска вакансий в Интернете на переписку со знакомыми и коллегами³, которые могли бы помочь найти работу. При этом ученым, которым посчастливилось получить академические должности, предоставлялись в основном краткосрочные контракты, не обеспечивающие достаточных гарантий занятости [28].

Оценки эмиграционных настроений среди российских ученых, проведенные в 2022 г., показали их рост, особенно среди тех, кто моложе 39 лет [4]. В 2023 и 2024 гг. аналогичные опросы продемонстрировали, что доля исследователей с сильными эмиграционными настроениями сократилась более чем наполовину — с 25 до 12%. Одновременно существенно возросла — с 47 до 63% — доля тех, кто выбрал ответ «эмиграция исключена» [5, с. 58]. По всей видимости, к 2024 г. те, кто хотел уехать, уже предприняли для этого соответствующие шаги. Основные результаты интервью и опросов, проводившихся в различные волны постсоветской эмиграции, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Интервью и опросы уехавших российских ученых: параметры и результаты

Время / место проведения опроса / источник	Размеры и особенности выборки	Основные результаты
1999–2000 гг., интервью с учеными, уехавшими в США после распада СССР [6]	25 чел., метод снежного кома, ученые в области естественных наук	Основные причины отъезда: низкая заработная плата, плохие условия труда, отсутствие карьерных перспектив. Возвращаться не планировали
Ноябрь 2008 г., май 2009 г., интервью с учеными, уехавшими в США [7]	30 чел., метод снежного кома, ученые в области естественных наук, возраст 35–60 лет	Многие не готовы поддерживать связи с российскими учеными, возвращаться большинство не планирует. Самые критикуемые характеристики российской науки — государственная научная политика и бюрократия
2011–2012 гг., интервью с российскими учеными, живущими более одного года за рубежом [10]	25 чел., выборка составлена на основе личных контактов	Причины отъезда: низкая оплата труда, отсутствие достаточных средств и оборудования для исследований, оплаты командировок, бюрократия, плохие жилищные условия. Возвращаться не планировали
Февраль — март 2015 г., опрос ученых, уехавших в разные страны [8]	150 чел., анкетный опрос, дополненный выборочными интервью. 60% — представители естественных наук, треть живут в США	Плохо осведомлены о состоянии науки в России. Возвращаться не планируют, в том числе даже на условиях временной занятости (мегагранты)

³ Торгашев А. Релокация ученых из России. 2022—... // PCR News. 13.03.2023. — URL: <https://pcr.news/stati/relokatsiya-uchenykh-iz-rossii-2022-/> (дата обращения 11.08.2025).

Продолжение таблицы 2

Время / место проведения опроса / источник	Размеры и особенности выборки	Основные результаты
Опрос квалифицированных специалистов, эмигрировавших за рубеж в 2010–2016 гг. [19]	80 чел., специалисты (не все ученые) в возрасте от 25 до 60 лет, большинство работают в Германии, США и Великобритании	Отъезд планировался заранее, «выталкивающие» факторы: ограничение политических свобод, изоляция от международного рынка
Опрос ученых, уехавших за рубеж за период после распада СССР и до 2019 г. [9]	131 чел., 52% — представители естественных наук и математики	62% уехало вскоре после распада СССР; 83% продолжают приезжать в Россию. Политические мотивы к отъезду были у 17% респондентов
Март — апрель 2022 г., опрос уехавших из России после февраля 2022 г., ученые составили 14% выборки [24]	2000 чел., в основном молодые, обеспеченные, с высшим образованием, без семьи и детей	Основные причины эмиграции: боязнь мобилизации, политика государства, рост пропаганды в школах. Отъезд был спонтанным, интеграция в новых странах происходила непросто
Апрель 2022 г., опрос высококвалифицированных специалистов, уехавших в разные страны после февраля 2022 г. [1]	60 чел. в возрасте от 20 до 60 лет. Доля ученых в выборке не указана	Причины отъезда: страх закрытия границ и мобилизации. Отъезд срочный. Готовы к незначительному снижению социального статуса. Возвращаться не планируют
Апрель 2022 г., опрос российских ученых, уехавших в разные страны после февраля 2022 г. [11]	Выборка основана на личных контактах, размер не указан	Основные мотивы отъезда: осознание невозможности оставаться в стране (политические факторы), неопределенность будущего, сокращение международного сотрудничества, рост изоляционистской риторики внутри страны
Апрель — май 2022 г., оценка миграционных настроений российских ученых [4]	4133 чел., 74% — представители естественных и технических наук, 87% имели ученую степень	Миграционные настроения изменились у 40%, у 32% — рост заинтересованности переехать в другую страну (в основном лица до 39 лет). Тормозят отъезд: русофобия в принимающих странах и ожидание позитивных перемен в России
Май — июнь 2023 г., октябрь 2024 г., оценка миграционных настроений российских ученых [5]	3719 чел. (2023 г.) и 1469 чел. (2024 г.), 75% — представители естественных и технических наук, 84% и 88% соответственно имели ученую степень	Сильные и скорее сильные миграционные настроения: 25% (2023 г.) и 12% (2024 г.). Эмиграция исключена: 47% (2023 г.) и 63% (2024 г.)

Источник: Составлено автором.

Суммируя, можно выделить основные черты волн отъезда российских ученых за рубеж после распада СССР. В 1990-х и до середины 2010-х гг. отъезд планировался заранее, как правило, в страны с развитой наукой. Главными причинами отъезда были низкая заработная плата, отсутствие средств на обновление оборудования, неясные карьерные перспективы. Таким образом, это была добровольная экономическая эмиграция. Уехавшие в 1990-е и 2000-е гг. возвращаться не планировали. Однако в начале 2010-х гг. ситуация изменилась, и вследствие политики государства по привлечению в страну бывших соотечественников стала развиваться научная кооперация и ранее эмигрировавших российских ученых.

В 2015–2021 гг. отъезд также планировался, но к значимым мотивам миграции добавились опасения растущей изоляции российской науки. Возвращаться не планировали даже на условиях временной занятости, особенно молодые ученые, однако многие регулярно приезжали в Россию по рабочим и личным делам.

Опросы уехавших с февраля 2022 г. показали, что отъезд был спонтанным, сложным, через третьи страны, с непростым поиском работы. Основными причинами отъезда стали страх мобилизации, опасения закрытия границ, роста автаркии и неопределенность будущего.

В данном исследовании на примере ученых, переехавших в США в последнюю волну, рассматривается срез-период, который следует за спонтанным отъездом и поисками новой работы, когда позиция уже найдена, но в большинстве случаев она временная. Этот срез позволяет изучить особенности профессиональной и бытовой адаптации, возможные перспективы развития карьеры.

Описание выборки

Исследование базируется на 32 полуструктурированных интервью с российскими учеными, оказавшимися в США в 2022–2024 гг. Опрос проводился в мае – ноябре 2024 г. Информанты отбирались методом снежного кома, начиная с личных контактов, а также путем обращения в организации-платформы, объединяющие уехавших из России ученых. Интервью продолжительностью от 45 минут до 3 часов проводились онлайн, а результаты анализировались методом тематического кодирования. Выбор США в качестве исследуемой страны объясняется тем, что среди государств с развитой наукой (куда обычно стремятся попасть ученые), там самый масштабный академический рынок и, значит, больше шансов для ученых найти работу.

Из описания выборки (таблица 3) видно, что в ней преобладают лица среднего возраста с ученой степенью, специализирующиеся преимущественно в общественных и гуманитарных науках (в этих областях было занято 75% опрошенных), ранее проживавшие в основном в Москве и Санкт-Петербурге и работавшие в ведущих российских университетах. В США они также смогли найти работу в ведущих университетах, правда, в подавляющем большинстве временную, о чем свидетельствует их визовый статус.

Таблица 3

Характеристики информантов, $N = 32$

Параметр	Характеристика
Пол	Мужской (23 чел.), женский (9 чел.)
Возраст	Моложе 35 лет — 6 чел. (19%)
Средний возраст	43 года
Регион проживания в России	Москва и Санкт-Петербург — 29 чел. (91%)
Место работы в России	Университеты; 26 чел. Работали в ВШЭ, РАНХиГС, МГУ, СПбГУ, УРФУ, СКОЛТЕХе
Ученая степень	Кандидат наук (19 чел.), доктор наук (8 чел.), PhD (3 чел.), без степени (2 чел.)
Область специализации	Общественные науки (19 чел.), естественные науки и математика (8 чел.), гуманитарные науки (5 чел.)
Первое место работы после приезда в США	В основном ведущие университеты (Harvard, Princeton, UC Berkley, Indiana University, Stanford, Chicago, Cornell, MIT, Yale и др.)
Тип визы	Временное пребывание для проведения исследований или преподавания (J1 visiting scholar) — 75%

Источник: Составлено автором.

В центре анализа были следующие вопросы: что представляют собой уехавшие специалисты (чем они занимались в России, насколько они были включены в мировую науку и успешны), как изменилось их положение (статус, занятия, продуктивность) в США, как проходила бытовая и профессиональная адаптация, насколько стабильно их положение. Поскольку в выборке много обществоведов и гуманитариев, отдельный срез анализа касался возможной смены фокуса исследований с России на другие страны (и области исследований). Наконец, обсуждались перспективы возвращения в Россию или переселения в другие страны.

Основные результаты

Поиск позиции в США

Позиции в США в основном были найдены благодаря личным связям, сложившимся до 2022 г., что подтверждает выводы проведенных ранее исследований. Это также подчеркивает значимость накопленного социального капитала. В процессе поиска были задействованы три вида личных связей: с представителями научной диаспоры, с коллегами-американцами и связи, которые появились благодаря полученной ранее в США ученой степени.

США далеко не для всех были первым выбором. Часто эта страна оказывалась местом пребывания потому, что там открывается больше временных позиций, чем в Европе. Те, кто сначала переезжал в Европу или получал оттуда предложения о работе, не смогли там остаться в силу разных причин — от отсутствия воз-

возможности продлить контракт до неприемлемости предлагаемых условий найма. Следующие выдержки из интервью иллюстрируют наиболее распространенные способы нахождения позиции в США: благодаря полученной ранее степени, контактам с диаспорой и связям с американскими коллегами.

Я очень давно имел undergrad американский, потом перебрался обратно в Москву. Я был в 2009–2010 гг. несколько месяцев в Сент-Луисе, с какими-то людьми там познакомился. И на конференции сюда ездил, конечно. Один-два раза в среднем в год я ездил. (Канд. экон. наук, 46 лет)

То, что я оказался в Бостоне, не случайно. MIT — это место, где есть сразу несколько человек, с которыми я давно работаю. В основном это люди, которые учились в Москве или начинали учиться в Москве, которые в 1990-е гг. уехали в Америку. Все равно это московская школа. (Канд. физ.-мат. наук, 45 лет)

У меня были как раз в Америке личные завязки. Просто я был уже в Беркли в 2015 г. на стажировке. И там я познакомился с несколькими людьми, мы как бы подружились и с тех пор дружили. Один из коллег развернул мегабурную деятельность по созданию специальной ставки для меня... Это просто visiting scholar. (Канд. полит. наук, 32 года)

Не было прошлых контактов и знакомств только у двух информантов. Вот иллюстрация того, как один из них нашел позицию в США.

Я через Twitter нашел эту вакансию! Ну, я разные пробивал варианты. То есть всякие базы данных смотрел, позиции через них смотрел. Я искал через интересные меня научные вопросы. (Канд. биол. наук, 31 год)

Стоит отметить, что простота или сложность поиска связана и с научной дисциплиной. Несколько больше возможностей у представителей естественных и технических наук.

Есть специальности, с которыми легко переезжаете куда-либо. Есть специальности, которые вас жестко завязывают на страну, и это необязательно политология или финансы, или законодательство. Например, экология не транслируется из США в Канаду. А если у вас IT, вам вообще все равно, какая страна вокруг, ну, и любой спектр промеж. (Канд. хим. наук, 46 лет)

Есть примеры случаев, когда ученые не планировали переезжать в США, но в итоге там оказались по причинам малой емкости европейского рынка или менее привлекательных условий в других странах.

Для меня на США свет клином не сошелся, то есть не то что я специально очень хочу жить в США, но в США просто есть очень много плюсов. Много ресурсов, конечно, много возможностей получать гранты и так далее. (Д-р биол. наук, 47 лет)

Меня интересует позиция профессорская, а в Германии ее почти нет. Я не хочу делать дауншифтинг, то есть я не хочу идти ассистентом, незнамо кем. А таких позиций в Германии практически нет, потому что профессора прямо умирают на своем рабочем месте. (Д-р полит. наук, 60 лет)

Роль зарубежных программ помощи и инициатив русскоязычных сообществ

В ходе поиска позиции обращение за помощью в зарубежные организации или к русскоязычным сообществам было редким. Большинство рассчитывали на собственные силы или просили о помощи коллег и сообщества в тех университетах, где они получили место. Многим инициативы были мало известны, некоторые оказались в списках рассылки программ и организаций, нацеленных на объединение уехавших русскоязычных ученых и оказание им содействия, но большого значения этому не придавали.

Я хочу сейчас более, так сказать, осмысленно ответить на ваш вопрос о том, какую роль в моей новой эмигрантской жизни играют свежесозданные русскоязычные профессиональные ассоциации. Короткий ответ: никакую. (Д-р филос. наук, 64 года)

Один из информантов отметил, что зарубежные программы ориентированы на специальные категории эмигрантов-беженцев.

Если вы меня спрашиваете про организации, направленные на помощь перемещенным российским ученым, адаптацию и так далее (и я сейчас даже уже не только об ученых говорю), я не знаю про такие. Есть всякие Scholars at Risk и так далее, но это более-менее чрезвычайные ситуации, и далеко не всегда они могут помочь. То есть в целом, конечно, этого нет, как-то это не организовано. Это проблема. (Канд. полит. наук, 46 лет)

Были те, у кого инициативы научных диаспор вызывали опасения.

Есть такой стереотип, что эти диаспоры довольно токсичны, особенно почему-то русскоязычные. У меня от них помощи не было. (Канд. биол. наук, 30 лет)

Положительные отзывы о русскоязычных сообществах дали информанты, которых приглашали на конференции.

Я участвовал недавно в конференции Академических мостов. Это очень полезное мероприятие, причем именно в силу того, что они пытаются объединять людей, которые не только уехали, но и которые остались. Это у них заложено в их установках. Это очень правильно. Потому что если пытаться объединять только тех, кто уехал, — это тупиковая история. (Канд. экон. наук, 57 лет)

Отношение к зарубежным инициативам было более критическим. Они ориентированы на ученых-беженцев, которые должны подтвердить, что они подвергались политическим преследованиям. У большинства такого статуса не было.

У меня был негативный опыт неформального взаимодействия со Scholars at Risk и, в принципе, этой риторики требования риска. То есть все время было ощущение, что нужно приехать в Россию, получить на себя уголовное дело, и вот тогда, каким-то образом телепортировавшись опять за пределы России, подаваться во все эти места. Может, я драматизирую, но ощущение такое было. (Канд. филос. наук, 40 лет)

Я, когда подавала на работу, написала в Scholars at Risk тоже заявку. Но там этих заявок была тысяча. И ничего не произошло, конечно. Вообще даже не ответили. Они не отвечают, если ты им неинтересен. (Канд. экон. наук, 51 год)

Таким образом, интервью выявили очевидную проблему слабых возможностей структур поддержки эмигрировавших *российских* ученых с точки зрения оказания им помощи в трудоустройстве. При этом положительную оценку получила работа этих структур по организации нетворкинга через конференции и иные мероприятия. К зарубежным программам содействия отношение нейтрально-негативное, что может быть связано с тем, что большинство информантов по формальным признакам не подпадают под статус беженца, поэтому не могут получить от них поддержку.

Бытовая и профессиональная адаптация

Для большинства информантов профессиональная адаптация была проще бытовой. У многих имелся прошлый опыт поездок в США, работы или обучения. В случае бытовой адаптации одни проблемы было решить проще (например, научиться водить машину и получить права, понять, как работает налоговая система), а к другим пришлось приспособиться, поскольку они касаются экономического устройства страны. Так, большинство изумлялись организации медицинской помощи, более дорогой и менее удобной, чем в России.

Первый момент, конечно, столкновения с американской медициной шокирует немножко, потому что мы в Петербурге привыкли, что докторов много, что вы можете попасть к врачу в любой момент, за деньги — легко и быстро к самым разным врачам, и врач придет к вам домой. Здесь никто к вам домой не едет и к вашему ребенку домой тоже, что выглядит странным. (Канд. полит. наук, 41 год)

Эта система здравоохранения абсолютно, скажем так, не интуитивная. И ты понимаешь, что без страховки тут лучше не болеть. (Биолог, без степени, 29 лет)

Несколько человек отметили проблемы безопасности, которых, по их мнению, нет в Европе.

...какое-то, на мой взгляд, беспрецедентное количество наркозависимых людей. Это, по крайней мере, видно в Сизтле по определенным улицам. Чего на самом деле я не наблюдал в Европе. (Биолог, без степени, 29 лет)

Если ты можешь совершенно спокойно ходить по своему благополучному району, то в других районах всякие вещи случаются. Вот это про Америку напрягает. Здесь безопасность — это некоторый консерт, про который надо всегда помнить. (Канд. социол. наук, 45 лет)

Профессиональная адаптация была самой легкой у тех, кто имел опыт работы или учебы в США, а также у оказавшихся в интернациональном коллективе.

Я в Америке уже и жил, и приезжал, то есть не то чтобы для меня Америка была открытием с точки зрения культуры. Я не могу сказать, что чем-то ошарашен. Тут мне, наверное, не надо адаптироваться. (Д-р ист. наук, 60 лет)

...в целом мой основной круг общения — это мои же коллеги по лаборатории. А лаборатория у нас очень интернациональная. У нас там, собственно, американцев, может быть, даже меньше половины. (Д-р психол. наук, 41 год)

Профессиональная адаптация связана с пониманием американской академической среды. Большинство информантов оказались в хороших университетах, и в России они работали в лучших вузах. Поэтому не раз говорилось о сопоставимости российских и американских университетов. У информантов не было ощущения, что они из другого мира. Преимущество США видели в богатстве университетов и концентрации ведущих ученых. Многие признают, что в США работают ученые мирового уровня.

Плюс американский в том, что действительно там мировые величины. Да, имена, которые всем известны в философской среде в любой точке мира. (Канд. филос. наук, 40 лет)

В некоторых случаях сложности профессиональной адаптации были связаны с необходимостью преподавания на английском языке.

В целом я не испытала проблем с тем, чтобы понять, как работает университет. Но с преподаванием у меня все равно времени на подготовку уходит несравненно больше. И все равно я промазываю. Это тоже для меня, собственно говоря, часть адаптации в профессиональных навыках. (Д-р психол. наук, 47 лет)

Оценки своего нового профессионального статуса были в основном через сравнение с тем, каким он был в России, включая материальные возможности. У многих жизнь в России была благополучной, в новом месте она сложнее.

С социально-экономической точки зрения, конечно, это был хороший статус. Даже сравнивая с тем, что можно было получить здесь, делая регулярную карьеру, это было очень неплохо. Сравнивая какие-то возможности стандартного потребления, которые были, с тем, которые есть в Америке и за пределами Америки, видимо, можно сказать, что это была хорошая позиция. (Канд. социол. наук, 47 лет)

Уровень нашей жизни, конечно, просел. По ощущениям, наверное, надо считать, что мы откатились лет на десять назад. Может, немножко больше. (Д-р физ.-мат. наук, 45 лет)

Статус определяется и типом визы. У временных позиций, на которых находились большинство информантов, он невысокий.

*Понятно, что *visiting scholar* — это человек, который находится на краях системы. То есть помимо тех людей, которые его туда позвали, он не интересен, не нужен никому. (Канд. полит. наук, 30 лет)*

Отмечалась сложность перехода с временной на постоянную позицию. Особенно непросто найти работу по завершении возраста постдока.

*Вот это доминирование *soft money* — минус, конечно: короткие контракты с очень понятными финансовыми обязательствами со стороны работодателя, но с не очень понятными обязательствами с твоей стороны. Они очень короткие и без каких-то понятных механизмов, что ты должен сделать, чтобы их продлили. (Канд. социол. наук, 42 года)*

Нестабильность влияет на продуктивность, под которой информанты в первую очередь понимали публикационную активность. Были и те, кто смотрел шире, оценивая интенсивность преподавания и работы в целом.

Большинство отмечали снижение продуктивности в первые год-два, некоторые говорили о ее постепенном восстановлении. Снижение продуктивности в основном обусловлено стрессами и неопределенностью будущего, а также продолжающимися поисками следующей работы. Среди гуманитариев высказывались сожаления о том, что они больше не могут заниматься прежними тематиками, особенно если они касались российской проблематики.

Поскольку я еще не получил никакой стабильности, пока нет продуктивности. Мне сейчас надо искать какую-то работу. То есть я по-другому стал все время свое планировать. Но я надеюсь, что как только у меня будет на какое-то время какая-то стабильность, все-таки книжку я напишу и продуктивность вернется. (Д-р ист. наук, 60 лет)

Продуктивность поначалу была не очень большой, потому что область была совсем новой для меня. И, несмотря на абсолютно добродушное отношение коллег, администрации и всех остальных, продуктивность была ниже. Ну, сейчас продуктивность, на мой взгляд, как-то повысилась. (Биолог, без степени, 29 лет)

Связанная тема — о том, что происходит с областью специализации в России, и стоит ли продолжать исследования, связанные с Россией. Второе, конечно, относится к обществоведам и гуманитариям.

Большинство с сожалением говорили об обеднении или даже исчезновении своей конкретной области исследований. Последнее наиболее характерно для политологов. Гуманитарии также упоминали ограничения, невозможность заниматься определенными исследовательскими вопросами.

Наша специализация оголилась. Совершенно, совершенно однозначно. Причем сразу на несколько поколений. Потому что уехало поколение условно мое и следующее, те, кому было 30–40 лет. Уехали свежесвыращенные бакалавры, магистры, аспиранты. Надо растить новых. Новых растить особо некому. Это в разных областях на самом деле. (Д-р психол. наук, 47 лет)

Сфера исследования, которой я занимался, очень узкая. По большому счету, в России в ней было несколько десятков человек. Причем несколько десятков — это очень широкая, максимальная оценка. Примерно половина из них страну покинули, а оставшиеся стараются что-то делать в условиях очень жестких ограничений. (Канд. социол. наук, 42 года)

Среди обществоведов и гуманитариев было больше тех, кто не хочет оставлять российскую проблематику, особенно если есть планы или надежды на возвращение. Те, кто отказывается от исследований, связанных с Россией, тем не менее продолжают рассматривать ее как область своей экспертизы.

Я не презентую себя как специалист именно по России, потому что тогда я очень сокращаю свои опции. Я не country specialist, хотя я могла бы себя так представлять. Но в научном мире это мне невыгодно. А вот в экспертном мире я представляю себя как специалист по России. (Д-р полит. наук, 60 лет)

Исследования, связанные с изучением России, не так видимы, приносят меньше профессиональных дивидендов. Были также получены противоречивые оценки того, будет ли спрос на исследования России в будущем.

Я полностью переориентировался на Россию, поняв, что этот проект мне неплохо бы расширить. Но в дальнейшем я не убежден, что на это будет очень большой спрос на рынке. Скорее, мне представляется, что экспертиза по России может, например, удачно дополнить научный профиль человека. (Канд. полит. наук, 40 лет)

Случаев полных отказов заниматься российской проблематикой было мало, и они преимущественно обусловлены не идейными, а прагматическими соображениями.

Возможности остаться в США и перспективы возвращения в Россию

Перспективы дальнейшей работы практически у всех были неопределенные, у наиболее удачливых ситуация была понятной на ближайшие 2–3 года. В первую очередь это касается тех, кто решил обучаться в аспирантуре, либо постдоков. Горизонт планирования определялся перспективами найти работу или сроком найденной работы.

Рассуждая о перспективах, некоторые информанты обозначили свое отношение к возможности переехать из США в другие страны, в первую очередь в Европу. Здесь были оценки как «за» (в Европе приятнее, культура, общение, ближе к России), так и «против» (небольшой рынок, ниже зарплата). Это коррелирует с причинами, по которым те, кто предпочитал Европу, оказались в США, — в первую очередь речь идет о емкости академического рынка.

Как мы себе представляем планы? Плохо. Для нас приоритетным остается быть в академии. Америка — Канада кажутся приоритетными направлениями, в первую очередь из-за языка и во вторую очередь из-за просто обширности рынка в нашей конкретно сфере. Американские университеты, где это хоть как-то представлено, исчисляются десятками, а в Евросоюзе — по пальцам одной руки. (Канд. филос. наук, 40 лет)

Горизонт планирования, знаете, был примерно неделя, а затем месяц, потом снова неделя... Я очень надеюсь, что у меня получится получить визу и остаться здесь на срок действия PhD, получить это PhD. (Канд. полит. наук, 31 год)

Найти работу сейчас — вот такой горизонт. Ну, и дальше, видимо, уже за пределами академии искать. Если сейчас, в этот год, не найдется. (Канд. социол. наук, 32 года)

Несмотря на сложности поиска академической позиции, о смене профессии думали немногие, для большинства важно работать в университетах, им это нравится, и они считают себя профессионалами. Возможности смены рода деятельности снижаются с возрастом и зависят от области специализации. Проще «прикладникам» — экономистам, политологам. Они могут уйти в аналитику, что не означает радикальной смены рода занятий.

Дело в том, что все-таки экономистам легче, у нас есть все-таки частный рынок. Консалтинговая фирма, компания, финансовая корпорация, poli-су-анализ — тут же много очень всего. (Канд. экон. наук, 41 год)

Некоторые готовы подумать об уходе из академии, и отдельно можно выделить тех, кто оставит науку только в самом крайнем случае, например при невозможности содержать семью.

Если припрет так, что будет просто нечего есть ребенку, то, конечно, да, я готов буду сменить профессию. Разумеется, в этой ситуации я постараюсь не пиццу доставлять, а делать что-то типа интеллектуальное. Но черта, за которой начинается моя готовность, это черта реально физического, фактического отсутствия денег на еду и крышу. (Канд. филос. наук, 40 лет)

Многие информанты не собираются возвращаться в Россию, есть те, кто считает это возможным при выполнении определенных условий. Лишь единицы однозначно хотели бы вернуться.

Не планирующие возвращаться резко отзываются о политической ситуации в России и полагают, что она не изменится в обозримом будущем.

Я не делаю ставок на Россию больше вообще. И я никогда не буду больше работать с этими людьми. Я не сторонник сохранения контактов, я ни с кем не общаюсь. (Д-р полит. наук, 60 лет)

Еще одна причина: были потрачены время и усилия на то, чтобы устроиться в новой стране, ломать это все сложно.

Чем больше ты живешь в другой стране, чем больше ты врастаешь в это все, тем меньше тебе хочется опять что-то менять. Все равно это опять начинай сначала. (Канд. социол. наук, 31 год)

Не отрицающие возможность возвращения связывают его в первую очередь с изменением условий в России.

Когда-нибудь — конечно. Как только это станет возможно. Первым рейсом. Я первым рейсом улечу абсолютно. И даже не буду раздумывать. Но это отдельный вопрос, когда это будет возможно. (Канд. полит. наук, 31 год)

...я абсолютно не отвязался еще пока от жизни в России и живу в модусе, что это все временно и что я когда-нибудь туда потом обратно поеду. Через пару лет это все закончится, и после этого мы все счастливо туда поедem. (Д-р биол. наук, 46 лет)

Таким образом, в отличие от предыдущих волн, среди переехавших в США ученых нет единства мнений по поводу возможного возвращения в Россию, несмотря на неопределенность их дальнейшего пребывания в США и возможности найти работу в других странах.

Выводы и прогнозы

Изучение последней эмиграционной волны показывает, что она имеет заметные отличия от прошлых периодов «утечки умов», прежде всего выражающиеся в спонтанности, поспешности отъезда и его причинах. Они выходят далеко за рамки проблем научной сферы. В прошлые волны пусть отъезд мог происходить и в неблагоприятное время, как, например, в период кризиса начала 1990-х гг., но он не был внезапным, напоминающим эвакуацию. Новая волна именно такая, и она связана с опасениями закрытия границ, мобилизации, роста автаркии, потери связи с мировой наукой, а не с недовольством условиями работы. Однако это не политическое беженство в его классической трактовке, поскольку далеко не все уехавшие подвергались каким-либо ограничениям и тем более репрессиям.

В то же время это и не добровольная экономическая эмиграция. Основными были политические мотивы, которые в профессиональной сфере выразились в перспективах потери академических свобод, что особенно коснулось гуманитариев. Именно поэтому в новой волне, в отличие от предыдущих, много представителей общественных и гуманитарных наук. Это, по сути, беженцы без официального статуса, им помогают, но относятся к ним, скорее, как ко временно приехавшим. Поэтому мы классифицируем их как «академических переселенцев», которые могут остаться в США или переехать в другие страны.

Программы поддержки «перемещенных ученых» рассчитаны на тех, кто может официально подтвердить статус беженца, поэтому зарубежную помощь в связи с вынужденным отъездом никто не получил. Диаспорные сети — как давно сложившиеся, так и вновь образованные — не играют значимой роли с точки зрения содействия в поиске работы. Опорой стали личные связи как с русскоязычными, так и с зарубежными коллегами. Абсолютное большинство именно через них нашли позицию в США, что демонстрирует значимость накопленного социального капитала [38]. Как неофициальных беженцев их не всегда трудоустраивали в соответствии с научными заслугами, предлагая позиции ниже их уровня квалификации, что подтверждает выводы исследований на примере других стран [27]. В то же время у переселившихся в США ученых были хороший карьерный трек в России и зарплата, часто превышающая среднюю. Большинство имели устойчивые международные контакты. Новое положение давит, ученые становятся менее продуктивными [20], преобладает чувство нестабильности. Для ученых среднего возраста время для попадания в традиционный карьерный трек упущено. Для ученых молодого возраста ситуация немного проще, поскольку даже кандидаты наук могут заново поступить в аспирантуру и за счет этого получить дополнительные шансы встроиться в типовой американский академический трек с последовательным прохождением от защиты диссертации к выходу через постдокторские стажировки на должности, которые позволяют получить постоянную позицию.

При этом скорость адаптации не является решающим фактором, помогающим сделать положение более стабильным. Казалось бы, поскольку уезжали те, кто уже обладал социальным капиталом, это должно было амортизировать спонтанность перемен. И, действительно, профессиональная адаптация многим не требовалась. Однако простота или сложность адаптации и перспективы дальнейшей работы — слабо связанные параметры, и возможности остаться в стране, получив более-менее постоянную академическую позицию, зависят в первую очередь от состояния рынка.

В дальнейшем для многих наиболее реалистичен переход с одной временной позиции на другую. Ситуация усугубляется новой политикой президента Трампа в отношении науки. В стране начались сокращения финансирования науки и кадров [35], что еще больше снижает шансы приехавших в США российских ученых найти академическую позицию. Менее определенными становятся и перспективы для тех, кто относительно молод и заново поступил на программы PhD. В США и ведущих странах Западной Европы фиксируется перепроизводство специалистов с ученой степенью. Большинство выпускников аспирантуры в этих странах теперь работают вне академии [25]. В этой ситуации трудоустройство новых выпускников программ PhD в академической сфере становится все более сложным [40]. Все это

подталкивает к поиску работы за пределами США. Однако решение уехать из США может быть связано и с проблемами бытовой адаптации. Действующие системы медицинского обслуживания, пенсионного обеспечения, криминогенная ситуация в месте проживания могут подталкивать к переезду туда, где этих проблем меньше.

Переезд возможен в первую очередь в СНГ, где после опыта работы в США могут предложить достойные позиции в местных университетах. Шансы получить работу в Европе ниже, поскольку там всегда был менее емкий академический рынок, и, кроме того, там ожидают увеличения притока американских ученых [39], которые, по всей видимости, будут приоритетной категорией при найме.

Для российских ученых, равно как и для лиц, принимающих решения, важным является понимание того, насколько реалистично в перспективе поддержание связей оставшихся и уехавших. В 2010-х гг. на начальном этапе расширения международных контактов правительство поощряло кооперацию именно с представителями российской научной диаспоры. По данным нашего исследования обобщающий вывод о перспективах развития взаимодействий сделать сложно, поскольку многое зависит от области специализации. Если судить по интервью, может начаться ослабление связей между уехавшими и оставшимися, особенно в гуманитарных и общественных науках, в связи с изменением фокуса работы эмигрировавших ученых и сокращением исследований, связанных с Россией.

В свою очередь, это влияет и на решение, стоит ли когда-нибудь вернуться назад. Если ослабевают связи, происходит встраивание в новую среду, а тем более смена рода деятельности, возвращаться и начинать все заново не имеет большого смысла. Особенно если нет каких-то особых причин, которые мотивируют к возвращению в Россию.

Ограничением данного исследования является то, что рассматривалась ситуация, которая была в 2023–2024 гг., то есть на начальном этапе адаптации информантов, в условиях, когда еще не была обнародована новая политика администрации США в отношении науки в целом и эмигрантов в частности. Поэтому в исследовании зафиксировано положение дел в исторической ретроспективе, хотя и сделан прогноз возможных траекторий развития с учетом новой политико-экономической ситуации в США. Дальнейшие исследования планируется проводить на той же выборке, чтобы проследить реальные изменения в профессиональной сфере уехавших ученых в тех странах, где они в итоге оказались.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дежина Ирина Геннадиевна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара. **Телефон:** +7 (985) 461-27-01. **Электронная почта:** irina_dezhina@mail.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 87–110. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.5)

Research Article

IRINA G. DEZHINA¹

¹ Gaidar Institute for Economic Policy.

Bl. 1, 3-5, Gazetny lane, 125993, Moscow, Russian Federation.

“ACADEMIC EMIGRANTS”: RUSSIAN SCIENTISTS IN THE US AFTER 2022

Abstract. The article analyzes the employment experiences, adaptation and career prospects of scientists who left Russia for the United States after 2022. The study is based on 32 semi-structured interviews conducted in 2024. Unlike earlier post-Soviet waves of scientific emigration, this new wave of “brain drain” was mostly unplanned, with many scientists leaving without job offers from abroad. These people not being refugees in the traditional sense, as in they were without officially confirmed status, meant that they were not entitled to support from special programs. This further complicated their search for jobs.

Most had successful careers at leading Russian universities and had maintained contacts abroad. These connections did help them in finding academic positions, but in most cases only temporarily. Due to previous experience, professional adaptation proved to be relatively uncomplicated. In the longer term, career prospects are constrained by the job market, which is particularly unfavorable for middle-aged and senior immigrant scientists, who were the majority interviewed. For many the most realistic path forward would be cycling through temporary positions or exiting academia altogether. Relocating to other countries, especially those in the CIS, could provide stable opportunities, as work experience in the US is valued there. Views of returning to Russia or collaborating with former colleagues who stayed there were divided, without a common perspective.

Keywords: “brain drain”; academic emigration; forced and voluntary emigration; motives; refugees; adaptation abroad; forecast; Russia.

For citation: Dezhina, I.G. “Academic Emigrants”: Russian Scientists in the US after 2022. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 87–110. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.5)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina G. Dezhina — Doctor of Economical Sciences, Leading Researcher, Gaidar Institute for Economic Policy. **Phone:** +7 (985) 461-27-01. **Email:** irina_dezhina@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Борусяк Л.* Новая волна высокообразованной эмиграции: почему они уезжают из России? // *Palladion*. 2022. № 3 (2). С. 98–115. DOI: [10.55167/29b32cb46280](https://doi.org/10.55167/29b32cb46280) EDN: [TCAAMU](https://www.edn.ru/TCAAMU)
Borusyak L. New wave of highly educated emigration: why are they leaving Russia? *Palladion*. 2022. Vol. 3. No. 2. P. 98–115. DOI: [10.55167/29b32cb46280](https://doi.org/10.55167/29b32cb46280) (In Russ.)
2. *Герасимчук Д.Н.* Функции социального капитала на региональном рынке труда // *Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия»*. 2015. № 2 (54). С. 889–894.
Gerasimchuk D.N. Functions of social capital in the regional labor market. *Politematicheskii Zhurnal Nauchnykh Publikatsii “Diskussiia”*. 2015. No. 2 (54). P. 889–894. (In Russ.)
3. *Гуреев В.Н., Гуськов А.Е., Мазов Н.А.* Российские ученые в мировых научных миграционных процессах // *Вестник РАН*. 2021. Т. 91. № 7. С. 648–659. DOI: [10.31857/S0869587321070070](https://doi.org/10.31857/S0869587321070070) EDN: [QVHNTE](https://www.edn.ru/QVHNTE)
Gureev V.N., Gus'kov A.E., Mazov N.A. Russian scientists in global scientific migration processes. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2021. Vol. 91. No. 7. P. 648–659. DOI: [10.31857/S0869587321070070](https://doi.org/10.31857/S0869587321070070) (In Russ.)
4. *Гусев А.Б., Юревич М.А.* Научная политика России — 2022: профессия не дороже Родины. М.: Изд-во «Перо», 2022. — 64 с.
Gusev A.B., Yurevich M.A. *Science policy of Russia — 2022: profession is not more important than the Motherland*. Moscow: Izdatel'stvo “Pero” publ., 2022. 64 p. (In Russ.)
5. *Гусев А.Б., Юревич М.А.* Санкции против российской науки: ментально-ресурсный ущерб // *Вестник Российской академии наук*. 2025. Т. 95. № 2. С. 55–68. DOI: [10.31857/S0869587325020075](https://doi.org/10.31857/S0869587325020075) EDN: [AGPEEU](https://www.edn.ru/AGPEEU)

- Gusev A.B., Yurevich M.A. Sanctions against Russian science: mental-resource damage. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2025. Vol. 95. No. 2. P. 55–68. DOI: [10.31857/S0869587325020075](https://doi.org/10.31857/S0869587325020075) (In Russ.)
6. Дежина И. «Утечка умов» из постсоветской России: эволюция явления и его оценок // Наукоеведение. 2002. № 3. С. 25–56.
Dezhina I. The “Brain Drain” from Post-Soviet Russia: The Evolution of the Phenomenon and its Assessments. *Naukovedenie*. 2002. No. 3. P. 25–56. (In Russ.)
7. Дежина И. «Охота за головами»: как развивать связи с российской научной диаспорой? // Наукоевческие исследования. 2010: Сборник научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; Отв. ред. А.И. Ракитов. М.: ИНИОН, 2010. С. 47–74.
Dezhina I. “Headhunting”: How to Develop Ties with the Russian Scientific Diaspora? *Science Studies. 2010: Collection of scientific papers*. Ed. by A.I. Rakitov. Moscow: INION RAN publ., 2010. P. 47–74. (In Russ.)
8. Дежина И. Русскоязычная научная диаспора: опыт и перспективы сотрудничества с Россией // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 1. С. 134–149. EDN: [WDIHBN](https://elibrary.ru/wdihbn)
Dezhina I. Russian-Speaking Research Diaspora: Experience and Perspectives of Cooperation with Russia. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 2016. Vol. 7. No. 1. P. 134–149. (In Russ.)
9. Малахов В.А., Смирнова А.В. Взгляд из-за рубежа: проблемы и перспективы взаимодействия с русскоязычной научной диаспорой // Управление наукой и наукометрия. 2019. Т. 14. № 4. С. 584–611. DOI: [10.33873/2686-6706.2019.14-4.584-611](https://doi.org/10.33873/2686-6706.2019.14-4.584-611) EDN: [HIOUKP](https://elibrary.ru/hioukp)
Malakhov V.A., Smirnova A.V. A look from abroad: problems and prospects of interaction with the Russian scientific expatriate community. *Upravlenie naukoj i naukometriya*. 2019. Vol. 14. No. 4. P. 584–611. DOI: [10.33873/2686-6706.2019.14-4.584-611](https://doi.org/10.33873/2686-6706.2019.14-4.584-611) (In Russ.)
10. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 24–34. EDN: [QBDQJJ](https://elibrary.ru/qbdqjj)
Ryazantsev S.V., Pis'mennaya E.E. Emigration of scientists from Russia: “circulation” or “brain drain”. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2013. No. 4. P. 24–34. (In Russ.)
11. Руденкин Д. Специальная научная эмиграция: почему из России уезжают ученые? // Социодиггер. 2023. Т. 4. № 3–4 (25). С. 14–22. EDN: [ZQXJIW](https://elibrary.ru/zqxjiw)
Rudenko D. Special scientific emigration: why are scientists leaving Russia? *Sotsiodigger*. 2023. Vol. 4. No. 3–4 (25). P. 14–22. (In Russ.)
12. Шереги Ф.Э. Деятельность сотрудников научных подразделений вузов: Отчет. М.: Центр социол. исслед. М-ва образования РФ, 2000. — 185 с.
Sheregi F.E. *Activities of employees of scientific departments of universities: Report*. Moscow: Center for Sociological Research of the Ministry of Education of the Russian Federation publ., 2000. 185 p. (In Russ.)
13. Axyonova V., Kohstall F., Richter C. *Academics in Exile*. The Academy in Exile Book Series. 2022. Vol. 2. 278 p. DOI: [10.1515/9783839460894-002](https://doi.org/10.1515/9783839460894-002)
14. Bloch A., Dona G. *Forced Migration: Current Issues and Debates*. L.: Routledge, 2018. 190 p. DOI: [10.4324/9781315623757](https://doi.org/10.4324/9781315623757)
15. Bourdieu P. The Forms of Capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. by J. Richardson. N.Y.: Greenwood, 1986. P. 241–258.

16. Chankseliani M., Belkina E. Academic Exodus from Russia: Unravelling the Crisis. *Journal of Comparative & International Higher Education*. 2024. No. 16 (3). P. 97–105. DOI: [10.32674/jcihe.v16i3.6304](https://doi.org/10.32674/jcihe.v16i3.6304)
17. Chimni B.S. The Birth of a ‘Discipline’: From Refugee to Forced Migration Studies. *Journal of Refugee Studies*. 2008. Vol. 22. No. 1. P. 11–29. DOI: [10.1093/jrs/fen051](https://doi.org/10.1093/jrs/fen051)
18. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital. *The American Journal of Sociology*. 1988. No. 101. P. S95–S120. DOI: [10.1086/228943](https://doi.org/10.1086/228943)
19. Demintseva E. Understanding Russia’s Brain Drain in the 2010s. *Problems of Post-Communism*. 2021. Vol. 68. No. 6. P. 521–530. DOI: [10.1080/10758216.2021.1905533](https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1905533)
20. Ergin H., de Wit H., Leask B. Forced Internationalization of Higher Education: An Emerging Phenomenon. *International Higher Education*. 2019. No. 97. P. 9–10. DOI: [10.6017/ihe.2019.97.10939](https://doi.org/10.6017/ihe.2019.97.10939)
21. Ganguli I. Scientific Brain Drain and Human Capital Formation After the End of the Soviet Union. *International Migration*. 2014. Vol. 52. No. 5. P. 95–110. DOI: [10.1111/imig.12165](https://doi.org/10.1111/imig.12165)
22. Gewin V. How researcher visa curbs threaten science careers. *Nature*. 2025. No. 645 (8079). P. 271–274. DOI: [10.1038/d41586-025-02293-4](https://doi.org/10.1038/d41586-025-02293-4)
23. Ghorbanpour F., Malaguth T.Z., Akbaritabar A. Differentiating Emigration from Return Migration of Scholars Using Name-Based Nationality Detection Models. *Proceedings of the Nineteenth International AAAI Conference on Web and Social Media (ICWSM2025)*. 2025. Accessed 10.08.2025. URL: <https://ojs.aaai.org/index.php/ICWSM/article/view/35836/37990>
24. Kamalov E., Kostenko V., Sergeeva I., Zavadskaya M. Russia’s 2022 Anti-War Exodus: The Attitudes and Expectations of Russian Migrants. *IERES, PONARS Eurasia, Policy Memo*. 2022. No. 790. Accessed 07.09.2025. URL: <https://hdl.handle.net/1814/76530>
25. Know D. How many PhDs does the world need? Doctoral graduates vastly outnumber jobs in academia. *Nature*. 2025. No. 643. P. 16–17. DOI: [10.1038/d41586-025-01855-w](https://doi.org/10.1038/d41586-025-01855-w)
26. Kou A., van Wissen L., van Dijk J., Bailey A. A Life Course Approach to High-skilled Migration: Lived Experiences of Indians in the Netherland. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2015. Vol. 41. No. 10. P. 1644–1663. DOI: [10.1080/1369183X.2015.1019843](https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1019843)
27. Leung M.W.H. Social Mobility via Academic Mobility: Reconfigurations in Class and Gender Identities Among Asian Scholars in the Global North. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2017. Vol. 43. No. 16. P. 2704–2719. DOI: [10.1080/1369183X.2017.1314595](https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1314595)
28. Machlis G.E., Rhodes T.K., Carrero-Martínez F.A. Perspectives: the challenges of displaced and exiled scientists. *Science and Public Policy*. 2025. Vol. 52. No. 4. P. 649–652. DOI: [10.1093/scipol/scaf019](https://doi.org/10.1093/scipol/scaf019)
29. Mallett R., Hagen-Zanker J. Does policy matter? Journeys to Europe and the Dynamics of Migration Decision-Making. *Trajectories and Imaginaries in Migration*. L.: Routledge, 2018. P. 165–181. DOI: [10.4324/9781351119665-10](https://doi.org/10.4324/9781351119665-10)
30. Mendoza C., Staniscia B., Ortiz A. ‘Knowledge Migrants’ or ‘Economic Migrants’? Patterns of Academic Mobility and Migration From Southern Europe to Mexico. *Population, Space and Place*. 2020. Vol. 26. No. 2. P. e2282. DOI: [10.1002/psp.2282](https://doi.org/10.1002/psp.2282)
31. *OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2023: Enabling Transitions in Times of Disruption*. Paris: OECD Publishing, 2023. 227 p. DOI: [10.1787/0b55736e-en](https://doi.org/10.1787/0b55736e-en)
32. Özdemir S.S. Pity the Exiled: Turkish Academics in Exile, the Problem of Compassion in Politics and the Promise of Dis-Exile. *Journal of Refugee Studies*. 2021. Vol. 34. No. 1. P. 936–952. DOI: [10.1093/jrs/fey076](https://doi.org/10.1093/jrs/fey076)

33. Pherali T. 'My Life as a Second-Class Human Being': Experiences of a Refugee Academic. *Education and Conflict Review*. 2020. No. 3. P. 87–96. Accessed 07.09.2025. URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10108656>
34. Portes A., Sensenbrenner J. Embeddedness and Immigration: Notes on the Social Determinants of Economic Action. *American Journal of Sociology*. 1993. Vol. 98. No. 6. P. 93–115. DOI: [10.1086/230191](https://doi.org/10.1086/230191)
35. Ro C. The economic effects of federal cuts to US science — in 24 graphs. Is US science facing a recession? Growing evidence points to a looming downturn. *Nature*. 25 June 2025. DOI: [10.1038/d41586-025-01830-5](https://doi.org/10.1038/d41586-025-01830-5)
36. Snel E., Bilgili Ö., Staring R. Migration Trajectories and Transnational Support Within and Beyond Europe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2020. Vol. 47. No. 14. P. 3209–3225. DOI: [10.1080/1369183X.2020.1804189](https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1804189)
37. Steinmo M., Rasmussen E. The interplay of cognitive and relational social capital dimensions in university-industry collaboration: overcoming the experience barrier. *Research Policy*. 2018. Vol. 47. No. 10. P. 1964–1974. DOI: [10.1016/j.respol.2018.07.004](https://doi.org/10.1016/j.respol.2018.07.004)
38. Wit-de-Vries E., Dolfsma W.A., van der Windt H.J., Gerkema M.P. Knowledge transfer in university-industry research partnerships: a review. *The Journal of Technology Transfer*. 2019. Vol. 44. No. 4. P. 1236–1255. DOI: [10.1007/s10961-018-9660-x](https://doi.org/10.1007/s10961-018-9660-x)
39. Udesky L., Leeming J. Exclusive: a Nature analysis signals the beginnings of a US science brain drain. *Nature*. 22 April 2025. DOI: [10.1038/d41586-025-01216-7](https://doi.org/10.1038/d41586-025-01216-7)
40. Udesky L. Survey of US postdocs finds threefold increase in job losses. *Nature*. 2025. No. 643 (8074). P. 1439–1440. DOI: [10.1038/d41586-025-02140-6](https://doi.org/10.1038/d41586-025-02140-6)

Статья поступила в редакцию: 10.09.2025; поступила после рецензирования и доработки: 06.10.2025; принята к публикации: 09.10.2025.

Received: 10.09.2025; revised after review: 06.10.2025; accepted for publication: 09.10.2025.